

сухарей. Мы высыпали сухари в чугун – он стал полный – и выели вдвоем все пять литров. До сих пор не пойму как это нам удалось. Потом вышел во двор, сел на завалинку и сказал, что теперь мне все равно: пусть идут немцы, турки или поляки – я с места не сдвинусь.

На следующий день, подкормившись и отдохнув, мы поговорили со стариками и снова двинулись в путь на Восток. Стояла сухая погода, ласково светило осеннее солнце, отдавая последнее тепло. Мы шли по краю оврага, по дну которого протекал ручеек, зеленела сочная трава. «Вот где бы отдохнуть да переобутся, неделю не умывались» - сказал один, остальные его поддержали. Мы спустились вниз, сели, перемотали портнянки. Мне ребята помогли разуться, и я сидел, наслаждаясь покоем. Вдруг послышалось чье-то тревожное восклицание, мы глянули наверх – там, наверху, стояли два немца с автоматами и говорили: «Пан, ком!» Мы смотрели на них, не моргая, но они снова повторили нам: «Пан, ком!» Пришлось подчиниться. Кое-как обувшись и надев шинели, мы выбрались из оврага. Рядом с немцами стоял мотоцикл с коляской. Один немец пошел по дороге и скомандовал следовать за ним, а другой сел на мотоцикл и медленно поехал за нами. Так двигались часа два, шли, судя по солнцу, на Юг.

Показалось большое село. Нас привели к кирпичному дому в центре села, с подвалом. Там уже было 14 человек солдат, вроде нас. Переночевали в этом подвале, а утром всех нас построили в колонну по два и два немца с автоматами повели нас дальше на Юг.

В середине дня мы пришли в Полтаву. На улицах царило оживление, везде ездили грузовые и легковые машины, кругом флаги со свастикой, радио орет на всю улицу песню: «Дід рудый, баба руда»... Из комендатуры, напротив которой мы стояли, вышел немец в фуражке и